

КИПАРИС

Ты, кипарис, взнесенный в сумрак хладный,
столп одинокий на краю дороги, –
неплодный, сиротливый, безотрадный.
Снам не развеять траура тревоги.

Из бронзы ствол; лишь черная игла
вершины – иногда подвластна дрожи.
Как башня в бурю, крона тяжела –
клинок в ножнах из драгоценной кожи.

Ты верой тверд – она тебя взрастила.
И, горделиво ввысь взметнув копьё,
ты веруешь: небесной влаги сила
лишь закалит прочнее острие.

Как горный пик, ты столь же одинок.
Но, облакам служа ориентиром,
ты времени резвящийся поток
хранишь в молчанье сумрачном и сиром.

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Горизонт и ты
в безоглядных долах.
Время реет в полых
безднах немоты.

Если весть услышишь
о приходе срока,
веруя глубоко,
лишь листвою колышешь.

Память скрыта в кроне:
развернет она
листьев письма,
мягких, как ладони.

НОЧНОЙ МОТЫЛЕК

Залетев ко мне на огонек,
легкий танец ткешь ты для кого?
В одеянье светлом мотылек –
магия, загадка, волшебство.

Гость нежданный, брат моей тиши,
светом очарованный чужим.
Таинство ночное соверши,
дай ответ – чьей силой ты движим?

Иль помедли: вот моя рука,
книга – все нехитрые дары.

Дам тебе приют я до поры,
маленький король издалека.

ТАК ДОЛГО...

Так долго пробирается вода
на зов звезды, что жаждет заглянуть
в глубь родника, в земли отверстой грудь, –
так долго пробирается вода...

Она источит камень и руду.
В глотке одном их вкус не разобрать.
Быть может, ход воды – движенье вспять, –
она источит камень и руду.

Так долго... Не ищи заветный ключ.
Дождись, покуда день сменится ночью:
на глади вод увидишь ты воочью
звезды мерцающий, как память, луч.

ЧИСТОТЕЛ

У земли один удел:
в лозах – вспенится вино,
хочешь хлеба – брось зерно.
Лишь упрямый чистотел

волен сам в своем цветенье.
Знает – непреложен рост.
Пригляись – закон не прост,
разгадай, противясь лени.

Древность киснет в старых винах,
сырая земля скудеет.
Лишь седые ветры реют
над стерней времен пустынных.

СЛЕПОЙ ОТ СОЛНЦА

Тень руки, прохладная повязка.
Сквозь нее пылает красный шар.

Глаз моих не опаляет жар,
только кровь течет по жилам вязко.

Тяжелы от солнца, словно соты,
веки жадно впитывают свет.
Снова тяжесть сведена на нет
обаяньем яви и дремоты.

Слепота подобна тонкой коже –
мир сокрыт под веки на века.
Эта участь для меня легка:
прозреваю глубь свою – до дрожи.

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Ослепительное чудо,
утро – словно ниоткуда –
свет из тьмы.

Быстры стрелки циферблата,
колокольный звон – глашатай
пестрой кутерьмы.

Птицы – россыпь нотных строчек.
Распускающихся почек
еле слышный звук.

Первый луч листвы коснулся,
лист под ветром встрепенулся,
тихо дрогнул вдруг.

Задержи чуть-чуть дыханье,
не спугни очарованья
мигомлетный миг.

В мире, заново согретом,
в птичий вслушайся, рассветом
озаренный, крик.

КОРОТКАЯ ОСЕННЯЯ ЖАЛОБА

Плач листьев. Ветер-лиходей
дань собирает с нищих крон.
Стук падающих желудей.
Шиповник кровью обагрён.

Случайным выстрелом задет,
по лесу заяц закружил.
Под мотыльковый менуэт
усталый день глаза смежил.

Пусть метко бьёт охотник в цель –
он октяблям не властелин.
Земля – страданья колыбель.
Бездомен воздух среди равнин.

МЕРТВЫЕ

Умершие, в раздумьи глядя ввысь,
достигшие неведомой страны, –
с ветрами ваши голоса слились
и продолжают жить среди тишины.

Неслышным роем реет хоровод, –
вам зримо то, что зрячему незримо.
Покорно мой встречаете приход,
не ропщете, коль прохожу я мимо.

От дум привычных стоит отрешиться –
обступите меня со всех сторон.
И призрачной становится граница,
над миром торжествует ваш закон.

МИРТ

Из объятий мирта деву ночью
вырвал он, – о том его молил
нежными цветами куст,
чтобы зазвучать певучей ногой.
Или ты, Диана, в серебре

лунном ветку тронула рукой –
и от боли птицей взмыла ввысь?

Совершится ль вновь преображенье –
перья легкие, рожок забытый
девой станут, в горьком аромате
глянцевых листов тревожа ночь?

Лишний шаг – и снова исчезает,
словно заколдованная пена,
но мираж влечет неодолимо –
дева, мирт цветущий, птица, свет.

БЕЛЫЙ ВОЛК

По насту слепящему шел с трудом.
В котомке – еды скудный запас.
Мертвое озеро, сковано льдом.
Один я был в тот странный час.

Зиял провалом каждый след,
тянуло холодом могил.
И горечью прошедших лет
опутывал озерный ил.

Остановился отдохнуть.
Вдруг белый волк – как снег, белес –
бесшумно преградил мне путь.
Я рассмеялся – он исчез.

МИНЕРАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК

Душ неродившихся влага, нечто,
влага начал, немого Ничто.
Там, где была ты пульсом молчанья,
нет обители,
никогда не дымился очаг,
зерно не всходило, нет погребений, –
колкой струей ты вышла, сощурясь.
Теплая, словно в ладонях земли
долго покоилась.

Выход

глубинного плача в отблесках пламени,
слеза, подступившая без причины,
горчайший глоток из праздного кубка.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Горька земля, но сладок аромат
покорных ветру трав, что в полудреме
об осени чуть слышно шелестят
в предсмертной, опьяняющей истоме.

Пусть ядом полнится морское лоно –
седая соль, голубоватый йод
во влаге раковин мерцают сонно,
в саргассах, зыблемых пучиной вод.

Былое форму сделает забвеньем.
Воскреснет то, что обратилось в тлен –
ромашек серебристым опереньем,
звездой морской, – для новых перемен.

ДЕЛЬТА

В тяжкий сон, в глубокое забвенье
движется Харонова ладья,
рассекая веток отраженья,
вслед за солнцем в сумрак уходя.

К берегу мертвых лодка пристаёт.
Птицы стаями крылатых душ
прянули. Шурша среди болот,
к трапезе поспеть стремится уж.

Ветер в зарослях рогоза плотных;
корни оплетают дно реки.
И, омывши жертвенных животных,
власть берут над смертью рыбаки.

ТАЛАССА, ТАЛАССА!..

Словно темный плащ,
никем не тканый,
ветер пространств летящ
безымянный,
эхом вечным облечен:
Лемнос, Тасос, Пелопоннес, –
солнечный скальный срез
в пене времен.

Примет земля лозу во чрево –
вино забродит в ягодах полных.
Время скрывается в волнах.
Ветер доносит вдруг
звуки бывшего напева:
парус «Арго» упруг.

Перевод с немецкого Ольги Кольцовой